

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Ю. Садовникова. От переводчика 4

1. Уверенность и вопрошание	7
2. Свидетели жизни вечной	23
3. Молитвы святых	39
4. Божья любовь	57
5. Метаистория	74
6. Тварный мир	88
7. Пути к Богу	108
8. Бог приходит на помощь	125
9. Образ и подобие	139
10. В полумраке истории	151
11. Свет во тьме	169
12. Закон, написанный в сердцах	185
13. Жизнь по вере	201
14. В поисках единства	220
15. Уверенность, которую у нас не отнять	238

*Аврил Пайман. Свободный голос
Церкви* 256

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Митрополит Антоний Сурожский — одна из самых ярких личностей XX века. Его слово, предельно трезвое, обращенное к самым глубинным вопросам человека, и в то же время живое, открытое, вдохновенное, неизменно находит отклик у его многочисленных читателей, независимо от их убеждений, верований, образования или культурных корней. Его книги, проповеди, выступления на радио и телевидении, его лекции в университетах и семинариях, в больницах и школах широко известны в Англии, где проходило его служение, во Франции, США, Бельгии, Германии, Швеции и других странах, которые он посещал, будучи представителем РПЦ и экзархом МП в Западной Европе.

Вниманию читателя предлагается перевод последней серии бесед, которые вел митрополит Антоний в течение 2001–2002 гг. в лондонском приходе, где он настоятельствовал более сорока лет. Он выступал перед своей паствой, созданной, возвращенной и окормляемой им на протяжении полувека, поэтому неслучайна та атмосфера открытости, доверия

и стремления к взаимопониманию, в которой проходили встречи.

По содержанию этот цикл бесед можно рассматривать как духовное завещание владыки. Митрополит Антоний свидетельствует словом и всем своим долгим жизненным опытом о необходимости самоотверженно, с непоколебимой верностью и честностью стоять перед Богом, не загораживаясь от Него своими несовершенными представлениями о Нем, о мире, о человеке, о себе. Беседы отличаются крайней сконцентрированностью мысли, лаконичностью, отточенностью формулировок. Каждое слово, даже порядок слов значимы. Читатель, уже знакомый с книгами владыки, заметит, что на этот раз он приводит гораздо меньше, чем обычно, притч, его яркая, самобытная индивидуальность, талант оратора как бы отступают, становятся прозрачными — весь он погружен в размышления о «вещах невидимых», отдан стремлению передать словами опыт, находящийся за пределами слов.

Уникальность этих бесед поставила перед переводчиком чрезвычайно сложную задачу. При работе над ними особое внимание уделялось крайне бережному

отношению к тексту и максимально корректной (в пределах нашего понимания) передаче смысла. В переводе были сохранены стилистические приемы и шероховатости, присущие устной речи, сюжетные повторы, неизбежные в беседах, которые продолжались на протяжении девяти месяцев. Внимательный читатель убедится, что в большинстве случаев они не только неслучайны, но и необходимы.

Подготовка бесед к публикации велась под руководством опытных переводчиков текстов митрополита Антония Е. Л. и Т. Л. Майданович, с учетом редакторской правки М. Е. Уманцевой и критических замечаний Ф. де Грааф и А. И. Шмаиной-Великановой.

Е. Ю. Садовникова

1. УВЕРЕННОСТЬ И ВОПРОШАНИЕ*

В этой серии бесед мне хотелось бы поделиться тем, что накопилось у меня в сознании и на сердце за долгие годы, но я не уверен, как мне удастся это сделать. Поэтому я постараюсь говорить как можно яснее, а вы постарайтесь услышать за пределами слов, понять из глубины своего сердца, своего жизненного опыта то, что я пытаюсь донести.

Несколько лет тому назад мне предложили выступить на Би-би-си с беседой о вере, и когда я закончил свою беседу, человек, ответственный за передачу, сказал: «Отец Антоний, мы вас больше никогда не пригласим в наши религиозные передачи». Я спросил: «Что, моя беседа была безнадежно плохой?» Он ответил: «Нет, не в этом дело. Нам не нужна ваша уверенность. Нам нужны сомнения и вопросы».

* Беседа 4 октября 2001 г.

И я думаю, мы живем в такое время, когда не только Би-би-си, не только люди неверующие, но и те, у кого есть вера — религиозная или философская, кто верит в жизнь, в истину, в человека, потрясены тем, что происходит. Я говорю сейчас не только об ужасе, который охватил Америку¹ и распространился по всему миру. Я говорю о постепенной утрате веры, о том, что все меньше людей приходит в Церковь, а в Церкви и вне ее возрастает число тех, кто ставит серьезные вопросы, пытливые вопросы о собственной вере и о вере, которую они унаследовали от родителей. Как можно верить в человека? Как можно верить во все то, что мы провозглашаем о Боге? Что такое вера? Мы переживаем момент, поворотный момент, к которому, я уверен, нам необходимо отнестись со всей серьезностью, потому что, осознанно или нет, весь мир переживает его. Что такое вера? Что такое сомнение? Что такое вопрошание? Можно ли утверждать, что ты искренне и честно веришь и в то же время ставить вещи под вопрос?

¹ Серия терактов, произошедших 11 сентября 2001 г. в США, унесла более 3000 жизней.

Можно ли считать себя верующим, то есть заявлять, что веришь в Бога, и говорить Ему: «Я Тебя не понимаю»? Много лет тому назад эти слова обратил к Богу Иов, столкнувшись с проблемами, которые поставила перед ним жизнь.

Тот же самый вопрос ставил не так давно, уже на моей памяти, старец Силуан², который четырнадцать лет бился, пытаясь разрушить стену, отделявшую его от Бога, и в конце концов, когда его силы иссякли, когда его охватило отчаяние, он воскликнул: «Господи, Ты неумолим!» И в этот момент, как он пишет в одном из своих писем, в нем что-то прорвалось: рухнула последняя преграда, рухнула последняя надежда на человеческие силы, и он ощутил присутствие Христа. Христос стоял рядом. И старец Силуан пишет, что прочел в выражении Его глаз, во всем Его облике такую любовь, такое сострадание и милосердие, что никогда этого не забывал; и всю оставшуюся жизнь жил с сознанием присутствия Христова, которое стало неот-

² *Силуан Афонский* (в миру Семен Иванович Антонов; 1866–1938) — прп., старец, подвижник. Причислен к лику святых в 1988 г.

делимым от него даже, когда он не ощущал его явно³.

Поэтому мне хотелось бы подчеркнуть: когда приходит сомнение, неуверенность, когда мы ставим под вопрос то, что раньше казалось простым и ясным, мы не согрешаем. Я чуть было не сказал: это наше право. Скажу больше: это — наш долг, право и долг, потому что Бог нас призвал быть Его друзьями: «Я уже не называю вас рабами, но друзьями, потому что раб не знает, что хочет его господин, а Я поделился с вами всем» (ср. Ин. 15:15). Это — смысл того, что Христос говорит в Евангелии. Он хочет, чтобы мы понимали, но Он не предполагает, что мы всегда будем все отчетливо видеть и понимать. И поэтому для нас бесконечно важно сознавать, что на каждом этапе жизни наша вера может быть совершенной с точки зрения достигнутой нами на сегодня духовной зрелости, но в то же время она неполна и несовершенна, если оценивать вчерашнюю веру с точки зрения сегодняшнего опыта или в конце жизни подводить итоги всего пройденного пути.

³ См.: *Иеромонах Софроний (Сахаров)*. Старец Силуан. Париж, 1952. С. 4.

Я настаиваю на этой теме вопрошания и сомнения и при этом намеренно разграничиваю понятия «ставить под вопрос» и «ставить вопросы». Мы можем ставить вопросы в простоте, если готовы получить ответ и принять его, а можем ставить вещи под вопрос, поскольку до сих пор не получали исчерпывающих или удовлетворительных ответов. Это очень важно: мы должны быть честными перед Богом и перед собой. Богу нужно, чтобы Его окружали не легковверные люди, но люди, которые знают Его достаточно, чтобы доверять Ему порой за пределами своего ограниченного знания.

Откуда берется вера? Что такое вера? Веру можно понимать по-разному. С одной стороны, вера — это уверенность. Когда святые говорили о своей вере в Бога, они говорили о внутренней уверенности в том, что узнали о Боге, Которого встретили в глубинах своей души. Но у веры есть другие оттенки. Вера означает верность. Если мы верим, что наше знание о Боге и о нас самих — правда, что отношения, которые установились у нас с Ним однажды, подлинны, то все это должно стать основой нашей жизни, так же как ес-

ли бы мы обрели друга: дружба нам приносит радость, но мы обязаны жить в ее мере. В сущности, вера означает быть достойным дружбы, которая дается и даруется безоглядно, щедро, порой дорогой ценой. Нам известно из человеческих отношений, что зачастую мы оказываемся неспособными жить в меру той дружбы, которую получили как драгоценный дар. Но наш друг от нас не отворачивается, он терпит, он остается нам верен, даже если мы колеблемся, даже если порой другие отношения, другие события влекут нас сильнее, чем та драгоценная дружба, которую мы однажды обрели. Чаще это бывает в отношениях между мужем и женой, между детьми и их родителями.

Вера, таким образом, — это *уверенность в невидимом* (Евр. 11:1), потому что встречу, произошедшую в глубине души, нельзя выразить словами, это — опытное переживание. Если говорить о природе веры, то я хотел бы отослать вас к отрывку из писаний святого Макария Египетского⁴,

⁴ *Прп. Макарий Великий* (ок. 300 — ок. 390) — прп., монах-отшельник. Традиция приписывает ему 50 бесед и 7 слов, содержащих аскетические наставления, некоторые из которых вошли в «Добротолюбие».

в котором он задается вопросом: с чего начинается вера? Вера, говорит он, не то же самое, что опыт, из которого она рождается. Мы можем пережить мгновенный опыт глубинного приобщения к человеку или Богу, но со временем он тускнеет. Что же остается? И святой Макарий дает образ, который мне кажется очень красивым и выразительным. Он говорит: представьте себе, вы плывете в лодке ночью по течению. Темная ночь, глубокое небо, полное ярких звезд, вы полностью погружаетесь в тишину и покой, воды несут вас. И вы ощущаете глубинное приобщение ко всему тому, что вас окружает, к тишине, к красоте, и чувствуете, как течение покачивает вас, как мать качает ребенка на руках. Но потом лодочка оказывается на песке, и какое-то время вы продолжаете ощущать в своем теле движение волн, и, хотя уже не плывете, вы уверены в подлинности того, что опытно пережили мгновение назад. И позже, ступив на твердую землю, вы сохраняете эту уверенность и этот опыт — опыт прекрасной ночи, глубокого неба и уверенность в его реальности, потому что он каким-то образом жил в вас. (Я долго рассуждал

о сравнительно коротком отрывке из писаний святого Макария Египетского, да простит он меня за это.)

То же верно и в отношении нашего опыта Бога. Бывают моменты, и я к этому вернусь, когда мы ощущаем Божье присутствие непосредственно или через общение с другими людьми. Затем этот опыт отдаляется от нас, но не совсем, потому что он продолжает в нас жить, и мы не только о нем помним, мы его как бы заново переживаем. Бывают моменты, когда опыт ярок и убедителен, у нас нет сомнений, и нам радостно. Но бывают моменты, когда он тускнеет или совсем стирается. Есть индийский рассказ для детей, в котором ребенок спрашивает мать: «Мама, почему иногда я ощущаю, что Бог здесь, близко, и мне так хорошо с Ним, а потом Он отдаляется? Почему Он ушел? Как мне Его найти?» И мать отвечает: «Помнишь, как мы играли с тобой в прятки? Ты закрываешь глаза, я иду и прячусь в кустах или за деревом и зову тебя оттуда: ау! Ты открываешь глаза, смотришь вокруг и пытаешься понять: откуда слышался голос? И бежишь на него. Порой ты находишь меня сразу, и я под-

хватываю тебя, и ты счастлив, и мы сме-
емся и обнимаем друг друга. Но порой ты
ищешь и не можешь меня найти. На мгно-
вение тебе покажется: что, если мама ушла
и оставила меня здесь? И делается страш-
но. Вначале ты просто оглядываешься, по-
том оглядываешься все более и более тре-
вожно, и в тот момент, когда я начинаю
чувствовать твой страх, я выхожу из свое-
го убежища, и ты бежишь ко мне, и я беру
тебя на руки, и тебе снова радостно. Так
же Бог. Он дает нам пережить опыт Свое-
го присутствия, а потом говорит: а теперь
живите с тем, что вы узнали, живите так,
будто Я с вами, живите так, чтобы Я мог
вами гордиться, и вам будет хорошо со
Мной... И Он наблюдает, как бы из-за ку-
стов, из-за дерева, чтобы в тот момент, как
тебе покажется, что ты потерял с Ним
связь, позвать тебя. Он не обязательно
явится Сам, но позовет тем или другим
образом: ты встретишь кого-то, и этот че-
ловек расскажет тебе о Боге, или попа-
дешь в храм, помолишься вместе с други-
ми и почувствуешь: да, Он здесь, Он здесь
со всеми этими людьми и со мной».

То же самое происходит и с нами.
Вначале мы опытно переживаем нечто,

но этот опыт может потускнеть, и тогда встают вопросы. Первый вопрос: куда Бог ушел? Но потом мы спрашиваем: был ли Он здесь вообще или это моя фантазия и Бога не было? И тогда становится страшно и одолевает сомнение. И нам очень важно быть готовыми к таким ситуациям. Каждый из нас по-своему (если будет время, я к этому еще вернусь) в какое-то мгновение пережил чувство Бога. Но потом наступает период, когда мы теряем это чувство, и тогда нам необходимо верить, сохранять уверенность в том, что опыт, который мы пережили, был подлинным.

Но есть и другой аспект. На каждом этапе нашего духовного роста мы способны постигать и узнавать только в наш уровень. Бог беспределен, Его глубины неизмеримы, о свете, который от Него исходит, святитель Григорий Нисский⁵ говорит: этот свет — Божественный мрак, потому что, когда на него смотришь, слепнешь... Поэтому на каждом этапе

⁵ *Свт. Григорий Нисский* (ок. 330 — ок. 395) — ранневизантийский церковный писатель, богослов и философ, епископ г. Ниса. В памяти Церкви остался как величайший из богословов, «отец отцов».

можно сказать: вот столько-то я знаю из своего опыта, сверх того — пока нет, зато другие могут знать. И это будет верно даже по отношению к нам с вами: опыт каждого из нас о себе, о жизни, о Боге, о Церкви, о Таинствах чрезвычайно различен, он может быть глубже или мельче, но он бесконечно разнообразен. На каждом этапе мы — такие, какими нам удалось стать на сегодняшний день, и мы обязаны *быть собой* сегодня со всей подлинностью и цельностью, потому что только так можно двигаться вперед. Если не верен своему «я» сегодня, не сможешь вырасти в такое завтра, в котором сохранишь верность себе и Богу. И есть нечто дивное в вопрошании, в осознании ограниченности нашего знания и опыта и в неожиданном понимании того, что даже наш малый опыт так богат и так глубок.

Приведу вам пример. Прежде чем стать священником, я учился естественным наукам и медицине⁶. И я помню, как

⁶ До принятия в 1939 г. монашеских обетов Андрей Блум (будущий митрополит Антоний) учился на биологическом и медицинском факультетах Сорбонны, которую окончил в 1938 г.

профессор Кюри⁷ в своих лекциях по физике говорил нам, что мы должны проводить научные исследования очень серьезно, с предельной честностью, не пытаясь объявлять о результате до того, как он получен. Как только мы составим цельное представление о предмете нашего изучения, первое, что нам необходимо сделать, это сказать: представление истинно на том уровне, до которого мы доросли на сегодняшний день, теперь пора ставить вопросы. Для начала мы соединили все факты и все наши знания в единую картину, теперь пришел момент приступить к поиску того, что в этой картине неполного, несовершенного, какой в ней изъян, с тем чтобы, если необходимо, взорвать гармоничное видение, которое у нас сложилось, потому что только так мы сможем открыться более полному и глубокому знанию.

Так действует ученый. Составив четкое мнение о научной проблеме, он спрашивает себя: нет ли ошибки в моих рассуждениях? Был ли я предельно честен

⁷ *Морис Кюри* (1888–1946) — французский физик, племянник Марии Кюри. Работал в области радиоактивности, фотолюминисценции.